

ДИАЛЕКТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ В ОБЩЕСТВЕ ДИКАРЕЙ И ИХ ФИЛОСОФСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ

Климова А.А.

Научный руководитель доктор философских наук Круглова И.Н.

***Сибирский федеральный университет
Гуманитарный институт***

Диалектические основания появляются еще в самом раннем периоде философского знания. Дело в том, что сами по себе диалектические начала существуют в самой природе, еще до человеческих категорий и представлений. Мы обратимся к антропологическим исследованиям Бронислава Малиновского, а именно, к исследованию диалектического феномена у туземцев.

Действительно, современное общество настолько далеко ушло от своих изначальных инстинктов и проявлений, что номинальные и метафизические проекты составляют основу для мировоззрения современного человека. Однако стоит заметить, что различные категории, которыми мыслит цивилизованный человек, не просто существуют, а воплощены в жизни туземных племен. Особенно это касается так называемых диалектических начал. Жизнь и смерть – для жителей Тробрианского архипелага это необходимое условие существования. Жизнь сменяет смерть, а смерть продолжает жизнь. Эти категории нельзя мыслить отдельно друг от друга и нельзя даже синтезировать, поскольку одно является отражением другого. Подобное мировоззрение встречается в диалектике Гегеля: смерть уравнивает жизнь, а жизни принадлежит смерть. Как и для туземных представителей человечества, так и для человека вообще диалектика смерти и жизни присуща и необходима: «Именно в ситуации жизнь-смерть человек обнаруживает свое подлинное существование» [4]. Возможно именно поэтому идея самоубийства так часто прослеживается в культах и ритуалах нецивилизованных обществ. Малиновский выявил такую тенденцию как особенность жителей коралловых островов: «Такое впечатление, что ранняя религия преисполнена неукротимыми силами жизни, в ее юной красоте и первозданности, безудержности и такой неистовой мощи, что это иной раз приводит к актам самоубийственного жертвоприношения... для примитивного человека смерть означает главным образом шаг к воскресению» [2]. Иными словами, но в той же диалектической связи Гегель пишет об этом в Лекциях 1805-1806 г.г. так: «Сознанию кажется, что его целью является смерть другого; но оно стремится к своей собственной смерти; (оно есть) самоубийство, в той мере, в какой оно подвергает себя опасности» [1]. Иначе говоря, самоубийство не есть акт телесный, а есть умерщвление исторического человека. Человек порождает историю, «диалектически упраздняя» то, что есть, и создавая то, чего нет. В своем развитии человек отрицает данное-бытие, в котором он рождается и умирает в качестве исторического человечества, этим отрицанием он и совершает самоубийство. Человек отрицает то, что есть своей конечностью; погибая сам, он умерщвляет и весь мир – ничто поглощает бытие. Конечность человека заставляет именовать его одновременно субстанцией и субъектом. Таким образом, метафизика Гегеля превращается в антропологию, для которой парадигмой выступает субстанциональность субъекта. Подобные воззрения видны в представлениях туземных племен. Безусловно, они еще не представлены так научно, но, тем не менее, более живо и наглядно представлены в культах и обрядах, ритуалах и церемониях. Например, во всех обрядах присутствует желание сохранить связь и параллельно с этим порвать узы. Поэтому с одной стороны существует обряд преодоления отвращения, причастие к

умершему телу, а затем с другой стороны обряд очищения. Все это в конечном итоге приводит к вере в бессмертие души, существование пра-духов.

Другим диалектическим сочетанием является пример ритуальной и практической деятельности: «Туземец известно о существовании естественных предпосылок и причин, и по своим наблюдениям он знает, что приложив умственные и физические усилия, он может управлять этими природными силами. Его познания, несомненно, ограничены, но в определенных пределах они тверды и противостоят мистицизму. Если поломаются ограда, если испортятся, высохнут или будут смыты дождями посадки, он прибегнет не к магии, а к работе, руководствуясь своими знаниями и умом. Однако, вместе с тем, его опыт также говорит ему, что, несмотря на всю его предусмотрительность и вне зависимости от всех его усилий, существуют факторы и силы...И для контроля над этими, и только этими, влияниями он обращается к магии»[3]. В отличие от человека цивилизации туземец четко разделяет, но не противопоставляет одно другому, более того он прибегает к диалектике. Другой пример рыбная ловля, где туземец использует как свои навыки мореплавания, охоты, конструкции, так и веру в магические силы. Рыбалка в лагуне почти лишена опасности, поэтому здесь лучше прибегнуть к собственным силам, но рыбалка в открытом море более опасна и туземец обращается к мистике.

Таким образом, представления туземцев диалектичны как в своем идеалистическом воззрении, так и в практическом проявлении: «Человек примитивной культуры признает существование как естественных, так и сверхъестественных сил и факторов и пытается использовать и те и другие в своих интересах. И даже когда он на опыте убеждается, что усилия, направляемые знанием, приносят пользу, он все же не станет ни тратить усилия понапрасну, ни игнорировать магию» [2].

Закрывающим звеном в диалектических примерах служит связь мужчины и женщины в туземных племенах. Это особый вид взаимодействия, предполагающий не конкуренцию и взаимоисключение, а особое назначение друг для друга. В отличие от цивилизованных обществ примитивные жители коралловых островов не используют моральную или правовую легитимацию чтобы мужчине и женщине быть вместе. Инстинктивное и эмоциональное тесно переплетается с обычаем и общинным укладом. Углубление взаимоотношений через взаимное проникновение противоположностей и тем самым познания себя через нахождение этой же сущности в другом: «... появляется притяжение и вместе с тем отторжение...»[3]. Мужчина не представляет какой-то особый и уникальный интерес. Нет никакой прерогативы отца или мужа: «первые люди, чье появление описывается в мифе, — это всегда женщина, иногда в сопровождении брата, иногда — тотемного животного, но никогда — мужа. В некоторых мифах ясно описывается, как забеременела первая прародительница. В мифах повествуется не о созидательной силе отца, а о стихийной производительной мощи матери-прародительницы» [3]. Это свидетельствует о том, что нет никакого доминантного мужского начала, как это ярко выражено в представлениях цивилизованного человека. Именно поэтому мужчина и женщина не являются чем-то разделенным и противоречащим друг другу, они находят связь в своем единстве и в тоже время различии – например ментальном или особенно физическом. Это приводит к гармонии и дальнейшему процветанию. Возможно, именно поэтому меланезийское общество до сих пор сохранило свое существование и не утратило благополучия. Магия и практика, жизнь и смерть, женщина и мужчина дополняют друг друга, находятся в диалектическом единстве.

Именно подобного неразрывного взгляда на бытие не хватает человеку цивилизации. Поэтому можно с уверенностью сказать что иррациональность и рациональные начала прекрасно соединены в туземном человеке Тихого океана. И

антропологический исследования Малиновского лишь иной раз подтверждают, что не только академическая наука служит лишним доказательством диалектических категорий, а именно диалектика самого бытия отражает сущность каких-либо диалектических категорий. И такое мы можем наилучшим образом наблюдать среди нецивилизованных сообществ во всей их полноте и глубине.

Список источников:

1. Кожев А. Идея смерти в философии Гегеля. М., 1998. С. 147.
2. Малиновский Б. Магия. Наука. Религия. Издательство Рефл-бук, 1998. С.290
3. Малиновский Б. Секс и вытеснение в обществе дикарей. Высшая Школа Экономики, 2011. С.224
4. Мордовцева Т.В. Идея смерти в культурфилософской ретроспективе // Таганрог: Издательство ТИУиЭ, 2001. 120 с.